

Василий Белов

1996 г.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ»

В мудром высказывании Н. Карамзина, которое стоит в заголовке «Исторической газеты», таятся почти все ответы на вопросы редакции этой анкеты. Извиняясь за поспешность и краткость (которая отнюдь не всегда сестра таланта), я попробую, однако, одним разом ответить на все шесть пунктов.

Мое отношение к истории как к науке далеко не восторженное. Как к «наставнице жизни» оно и вовсе пессимистично. Мне представляется, что большинство людей, особенно имеющих власть, к урокам истории относится наплевательски. А если это действительно так, то как может история «реально творить действительность»?

Я не прочь заразить читателя желанием полемики на такую тему!

Термин «элита» даже в Словаре иностранных слов 1886 года (Санкт-Петербург, изд. Е. Печаткина) отсутствует. (Впрочем, в моей личной библиотеке всего один дореволюционный словарь иностранных слов. В других изданиях этот «элитный» термин может быть и есть. Даже наверняка есть.) Слова «интеллигенция» в моем словаре тоже нет. Это, разумеется, не значит, что интеллигенции нет в самой жизни. В словаре зафиксированы лишь такие слова, как «интеллектуализм» и «интеллектуальный». Первое обозначено как философское выражение и авторы отсылают к рас-

шифровке слова «идеализм». Второе трактуется как «умственный, духовный». Но неужели умственные, духовные свойства присущи одной лишь интеллигенции? Умственных, духовных людей немало ведь и в других сословиях, например, в крестьянском либо в церковно-православном. Поэтому предлагаю отложить разговор об элите до более благоприятной поры, когда термин наконец проявится окончательно и объективно.

Думаю, что главная движущая сила в истории Отечества - это, конечно, весь народ, а не «элита» и не вожди. Хотя творить историю истинно хорошие вожди народу отнюдь не мешают, а скорее способствуют. Все относительно. Истинно хороших народных вождей в природе вероятно не существует и не предвидится. Дай Бог, чтобы появился в России хотя бы относительно хороший вождь. Как его назовет народ: царь, президент, император, диктатор, главноуправляющий - это не так уж и важно. Главное, чтобы он был вождем народным, а не антинародным, как, например, Ельцин или какой-нибудь Лебедь, чуть не покоривший Россию Чечне.

Мое мировоззрение меняется в связи с медленным поступлением более-менее правдивой философски-исторической информации.

Может ли быть достойным нашей трагической истории мировоззрение, сформированное одним лишь марксизмом? Нет, в таких условиях не может оно быть не ущербным, каким и я был до поры до времени. Меня, как многих из моего поколения, спасло от полного краха лишь нравственно-эстетическое начало народной жизни, сформированное предыдущими поколениями. В институте я учился слишком поздно для нормального образования. Я пытался как-то примирить это нравственно-эстетическое, т.е. национальное начало с марксизмом, вернее, с его диалектическим материализмом. Диалектикой, впрочем, там и не пахло. Но и гегелевская идеалистическая диалектика меня почему-то не устраивала. Поэтому я с жадностью на-

чал поглощать настоящее идеалистическое учение русских философов, книги которых были физически недоступны в годы моей молодости. Конечно, Бердяева и прот. Булгакова, вышедших из компартии, назвать чисто русскими философами можно только с большой натяжкой. Но они были мостиком к Флоренскому и Леонтьеву. А затем и к Игнатию Брянчанинову, которого обстоятельно прятали от меня чуть ли не до восьмидесятых годов.

Если говорить о теперешнем моем восприятии русской истории и влиянии на ее понимание, то это не гос. деятели, не цари, премьеры, полководцы, а писатели вроде двух Иванов - Ильина и Шмелева.

В социологическом смысле мое мировоззрение сильно изменилось после знакомства с литературным творчеством А. Чаянова и его экономическим учением. Хотя Чаянова деятелем далекого прошлого называть нельзя, он был почти что нашим современником.

Можно ли обвинять историю за то, что она обделила мою молодость не только Игнатием Брянчаниновым, но и Чаяновым, и Солоневичем, и Шмелевым? Я боюсь отвечать на этот вопрос. Она (т.е. история) делает то, что делает. И то, что она делает, угодно только ей и никому иному, ничему-нибудь прочему. Так что на вопрос, каким образом и через кого влияет история на мировоззрение, ответить весьма трудно.

Не знаю, кому первому пришла в голову мысль распределять идеи по национальному качеству. На мой взгляд, все сколько-нибудь серьезные идеи - всеобщие и общечеловечные, их нельзя ограничивать национальными рамками. Это не следы моего юношеского марксизма, но результат лично моих иногда и горьких размышлений.

Глупо думать о какой-то отдельной чисто русской идее, хотя вполне можно и должно думать и говорить о русском национальном характере, о своеобразии русской жизни, о наших чисто русских способах размышлять, чувствовать, работать, любить человека, плясать, петь, в конце концов воевать. Если же все это вместе

назвать «русской идеей», то тогда я может и соглашусь с правоммерностью предлагаемого термина.

Учит ли чему-нибудь человека ее величество «История»? Я уже ответил на этот вопрос в начале этой заметки. Но поверьте, так хочется ошибиться...

1997 г.

МЕЛОДИЯ РОДИНЫ

И порядочному туристу, и командированному не каждый раз по приезду в столицу удастся побывать в центре Москвы. Чего уж говорить про зачумленных челноков? У бывших инженеров и бухгалтеров, то есть нынешних безработных, так же, как и у заядлых демократов, физическая близость Кремля вызывает аллергию. Хотя и по разным причинам. Вот и я в кои-то веки вздумал сходить на Красную площадь.

Эх, лучше бы совсем не ходить! В метро и то приятнее, чем на поверхности. Правда, столичное метро тоже уляпано тошнотворной рекламой или электрифицированными плакатами вроде «Свидание с Америкой», Боже мой, сколько бумаги изводят, сколько киловатт-часов тратит Лужков на бездарную иллюминацию! Москва утыкана всякими дорогущими стендами, прибамбасами и церетелевскими чучелами, так полюбившимися бравому футболисту.

Москва стремительно изменила свой лик. Проворные банкиры не жалеют средств для своей помпезной архитектуры с башнями на крышах, с колоннами у подъездов. Приезжие губернаторы подозревают, что стоимость одного какого-нибудь банкирского дома равна расходной части иного областного бюджета.

Да, лужковская Москва задыхается нынче в змеиных объятиях закордонной и отечественной рекламы, а она, эта бумажная бестия, начиналась с вкрадчивых, почти стыдливых «купите себе немножечко «Олби». А с какой целью Лужков перерыл и перекопал всю Манежную площадь, словно решил до самой Америки докопаться? Что, разве иного места не было